

Миллер Артур

Независимая газ. - 1995 - 17 окт - с.7

ГОРБАЧЕВ ЧИТАЛ ВСЕ ЕГО ПЬЕСЫ

Сегодня Артуру Миллеру — 80 лет

Виктор Денисов

Юбилей

АРТУР МИЛЛЕР стал у нас известным раньше всех других знаменитых американских драматургов — его популярность в СССР в 60-е годы была велика. Вышел сборник Миллера, театры дружно взялись за постановку пьес «Вид с моста», «Суровое испытание», «Салемские ведьмы», а самая популярная пьеса «Смерть коммивояжера» была даже экранизирована.

Однако известность Артура Миллера в СССР была связана не только с художественными достоинствами его пьес, но еще и с чисто конъюнктурными соображениями. Критики признали его драматургию подчеркнутую социальной. Да и сам Миллер думал так же. Кризис 1929 года настолько тяжело ударил по его семье, что из-за отсутствия средств он не смог поступить в университет — «Великая депрессия» во многом и определила пафос его драматургии. «Сейчас считается чуть ли не дурным тоном упоминать о Депрессии», — говорил писатель в лекции «Тени богов» в 58-м году. — *Независимо от меня, то время стало почвой, на которой я научился твердо стоять... Депрессия была для меня как книга.*

С советской точки зрения, Миллер выгодно отличался от импульсивно-патологического Теннесси Уильямса или от заигрывающего с театром абсурда Эдварда Олби. Но скоро остросоциальная ориентация Миллера обратилась и в сторону родины победившего социализма: в 67-м году он, себе на беду, решил приехать в СССР, поколесить по стране и посмотреть

на все достижения своими глазами. Публицистическая книга «В России» (1969) — это взгляд человека, который честно пытается разобраться в увиденном. Негатив здесь соседствует с позитивом (в частности, весьма комплиментарно говорится о Симонове, Эренбурге, Любимове, Плисецкой, Бирман и даже о Фурцевой). Более того, в книге есть сопоставления с Америкой и слышится критика по ее адресу. Но здесь, за «железным занавесом», книга Миллера показала власть имущим крайне антисоветской; имя писателя попало под запрет.

Когда же Миллер, в качестве председателя американского ПЕН-клуба, начал подписывать письма протеста против преследований инакомыслящих в СССР, он вообще стал нашим врагом номер один.

Но tempora, слава Богу, mutantur. Почти через двадцать лет Миллер снова приехал в Советский Союз. В 86-м году он, вместе с такими известными личностями,

как англичанин Питер Устинов, американцы Олвин Тоффлер и Джеймс Болдуин, оказался гостем ЦК КПСС и, по его собственным словам, услышал от Горбачева следующую фразу: «Я читал все ваши пьесы».

К тому времени Миллер успел написать около двадцати драматических произведений, на русский язык переведено было менее половины, и вряд ли генсек глубоко интересовался американской драматургией. Но все же Миллеру было приятно: ведь в 67-м году Косыгин при встрече с писателем не мог вспомнить название хотя бы одной из его пьес. Словом, Горбачев от имени ЦК простил Миллеру все его грехи, а Миллер забыл все обиды и снова стал нашим другом.

Если конъюнктура в СССР все время колебалась, то Миллер убеждений своих не менял никогда, демонстрируя порой настоящее мужество — как, например, в 56-м году, когда ему пришлось предстать перед маккартистской Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности. А в 54-м, когда драматург намеревался поехать в Брюссель на премьеру «Сурового испытания» и госдепартамент не выдал ему загранпаспорт, писатель, между прочим, сказал: «Я знаю, что мои произведения делают честь американской нации, и я осмелюсь предположить, что они переживут закон Маккарена. Очень может быть, что своими пьесами я завоевал больше грузей американской культуры, чем госдепартамент». Интересно, мог ли кто-нибудь из советских драматургов (даже лауреатов Сталинской или Ленинской премии) заявить в те годы что-нибудь подобное? Впрочем, чего нам с Америкой равняться.

Многие лета вам, Патриарх! И до скорой встречи!